

И.И. ПЕТРОВ*

**МАЛЫЕ ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ КОАЛИЦИИ
В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ПОЧЕМУ ОДНИ НАБИРЮТ
ГОЛОСА ПОСЛЕ УЧАСТИЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ,
А ДРУГИЕ ТЕРЯЮТ ИХ?**

Аннотация. В статье анализируется, какое влияние оказывает участие малых партий в коалиционных правительствах на их электоральную поддержку. Хотя в многопартийных системах малые партии могут войти во власть посредством коалиций, преимущество крупных партий может свести на нет их усилия по продвижению своих требований, и платой за невыгодный компромисс станет отток голосов. Между тем можно предположить, что от особенностей структурного позиционирования малых партий в пространстве размежеваний, а также от использования институциональных механизмов, ассоциирующихся с защищенностью прав младших партнеров, может зависеть вариативность средних результатов малых партий по итогам их участия в коалициях. Изучив динамику голосования в 12 странах Европы с 2008 по 2025 г. посредством регрессионного анализа, мы пришли к выводу, что для партийных семейств, имеющих разное позиционирование и адресных избирателей, средние результаты на выборах в плане прироста голосов после участия в коалиции разнятся. При этом идеологическая дистанция между партиями в коалиции служит лучшим индикатором их относительного успеха. Как мы установили, «зеленые» и леворадикальные партии чаще выигрывают в коалициях, в то время как правые и леволиберальные малые партии – наоборот. Одной из возможных причин этого может быть характер электоральной опоры – если малая партия опирается на протестное или чисто прагматичное голосование, ее шансы выиграть в коалиции меньше, чем у партии, пользующейся более устойчивой поддержкой со стороны идейных, но не чуждых компромиссам избирателей.

Ключевые слова: партии; коалиции; партийные размежевания; партийные семейства; европейская политика; популизм.

* **Петров Иван Игоревич**, кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: ipetrov@hse.ru

© Петров И.И., 2026

DOI: 10.31249/poln/2026.01.07

Для цитирования: Петров И.И. Малые партии и партийные коалиции в странах Европы: почему одни набирают голоса после участия в правительстве, а другие теряют их? // Политическая наука. – 2026. – № 1. – С. 137–159. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.01.07>

Почему участие партий в коалициях может по-разному оцениваться их избирателями? Данный вопрос обретает актуальность на фоне того, что мы все чаще слышим о формировании коалиционных правительств в странах Европы, о долгих переговорах, связанных с решением партий вступать или не вступать в союзы друг с другом, и о досрочных распадах коалиций, сопровождающихся перераспределением голосов не только между властью и оппозицией, но и между всеми партиями в целом. Поскольку основным ресурсом партий служит поддержка со стороны избирателей, готовность вступать в коалиции должна объясняться поддержкой, которую избиратель готов предоставить потенциальному компромиссу.

В современных исследованиях есть две основные модели, описывающие контекст долгосрочного предоставления поддержки определенным партиям со стороны избирателей.

Первая из них основана на понятии партийного семейства – совокупности характеристик, связанных с происхождением партии, ее идеологическим профилем, ядерным избирателем и принадлежностью к наднациональным партийным «клубам» [Kitschelt, 2018]. Как показали Мэйр и Мюдде [Mair, Mudde, 1998], несмотря на рост вариативности внутри партийных семейств и их сближение между собой, идеология партии все еще может выступать наиболее четким маркером ее поведения в политике и ориентации на представительство определенных групп населения, что также имеет подтверждение в более поздних эмпирических работах [De La Cerda, Gunderson, 2024]. Классификация базы данных о партиях Project Manifesto выделяет семь основных партийных семейств в странах Европы: социал-демократов, левые радикалы «зеленых» – на левом фланге, консерваторов, христианских демократов, левых либералов, правых популистов – на правом [Volkens et al., 2013]. В современной литературе, однако, все больше места занимает иной подход к классификации, связанный с делением партий на старые (всеохватные) и менее крупные партии нового типа. Если в первом случае целями партий выступает охват как можно большего числа голосов на основании проработанной центристской платформы и профессионального менеджмента кампаний, то во втором –

идеологическая экспансия со ставкой на острые, раскалывающие общество темы и низовые объединения ядерных избирателей [Meguid, 2005]. К партиям нового типа в разной степени можно отнести четыре семейства: левых радикалов, «зеленых», левых либералов и правых популистов. Голосование за четыре новых семейства, растущее в последнее десятилетие, часто служит маркером идейной оппозиции среднему избирателю и недовольства теми решениями, что предлагают крупнейшие партии, слишком привязанные к старым расколам и привычным подходам к управлению государством [Katz, Mair, 1995].

Вторая модель, описывающая связь партий с их поддержкой избирателями, обращается к теории размежеваний Липсета и Роккана [Lipset, Rokkan, 1967], утверждающей, что за устойчивостью партийных систем стоит процесс формирования посредничества партий в разрешении структурно значимых социальных конфликтов. Описывая современную структуру размежеваний (институционализированных, «замороженных» конфликтов) в странах Европы, исследователи делают акцент на ключевой роли социально-экономического размежевания между левыми и правыми партиями, хотя и ослабленного сокращением голосования по принципам класса и религии [Dalton, 2009], и на переориентации части избирателей на новый тип голосования, основанный на уровне образования [Hooghe, Marks, 2025], типе занятости [Oesch, Rennwald, 2018] и ценностях [Inglehart, Norris, 2016]. Последний тип голосования можно соотнести с формированием в странах Европы нового комплексного размежевания под воздействием глобализации, интеграции и постиндустриального сдвига [Hutter, Kriesi, 2019], имеющего скорее социокультурный, чем социально-экономический характер. Согласно разделяемой большинством названных авторов идеи, четыре партийных семейства нового типа локализируются на крайних позициях системы размежеваний, балансируя между атакой на партии центра и обслуживанием своего относительно малого ядерного электората.

Исходя из описанных моделей, мы можем предположить, что реакция избирателей на участие партии в коалиции, помимо ряда важных контекстуальных факторов, будет также прямо зависеть от того, о каком именно типе партий идет речь, делая фактор семейной принадлежности (тесно связанный с позиционированием партии в структуре размежеваний) важной переменной, предсказывающей реакцию ядерного электората на коалиционный союз. Используемая нами модель предполагает следующую связь клю-

чевых переменных: электорат разных партийных семейств по-разному воспринимает участие предпочтительной партии в коалициях, так как по-разному видит причины своего голосования за данную партию. Обобщая, список данных причин может включать: протестное голосование, т.е. «голосование вопреки» с целью давления на другие партии; идейное голосование, то есть устойчивое предпочтение узким, но проработанным программным установкам партии; идейно-прагматичное голосование, то есть преследование при голосовании конкретной цели по изменению политики правительства; чисто прагматичное голосование, имеющее основой расчет на абсолютную победу лучшей из имеющихся альтернатив.

В данной статье мы сосредоточимся на голосовании за малые партии, под которыми подразумеваем те, что редко могут набрать более 20% голосов, и, следовательно, не имеют шансов самостоятельно или в роли лидера коалиции сформировать правительство. В современной Европе большинство таких партий может быть однозначно отнесено к партиям нового типа или схожим с ними. Исходя из этого, мы отвергаем возможность голосования за данные партии по чисто прагматическим мотивам, что, однако, не означает большей устойчивости их электоральной поддержки. Наоборот, как мы считаем, в зависимости от принадлежности партий к разным партийным семействам их электоральные результаты в случае участия в коалициях могут сильно колебаться.

В формулировке проблемы мы следуем авторам, утверждающим, что статистически младший партнер в коалиции чаще страдает от последствий компромисса, чем выигрывает в голосах [Klüver, Spoon, 2020]. Помимо необходимости идти на серьезные уступки, среди причин негативной тенденции также можно назвать вынужденную солидарность участников коалиции [Fortunato, Stevenson, 2013], в рамках которой малые партии, в обычное время стремящиеся дистанцироваться от крупных конкурентов, начинают восприниматься как схожие с ними и безответственные по отношению к избирателям [Fortunato, 2019]. В данной статье, однако, мы попытаемся посмотреть на проблему под иным углом: поскольку логику вступления партий в «невыгодные» коалиции нельзя считать иррациональной, можно скорее сосредоточиться не на среднем результате, но на анализе своеобразного «обмена» голосов на политическое влияние. В этом аспекте мы можем считать, что не все коалиции заключаются как наилучший вариант, но многие – как вынужденный риск, связанный с потребностью партии

закрепить за собой роль влиятельной силы или не допустить возникновения крайне нежелательной альтернативной коалиции.

Формулируя основную гипотезу статьи, мы предполагаем, что для малых партий нового типа вопрос об участии в коалиции имеет вид стратегического решения, принимаемого в не до конца предсказуемой среде, и что принадлежность партий к определенным семействам, соотносимая со специфическим позиционированием в структуре размежеваний, подсказывает им возможную линию поведения относительно заключения коалиционных соглашений. Как мы предполагаем в рамках основной гипотезы, фактор принадлежности малых партий к разным семействам формирует различные статистические ожидания относительно того, как будут меняться их электоральные результаты в зависимости от того, была ли перед выборами партия в оппозиции или в правящей коалиции. Последнее должно показывать, что партии, принадлежащие к разным партийным семействам, действуют, ориентируясь на разные структурные рамки конкуренции за избирателя, несхожего по своим ожиданиям, характеристикам и мотивам голосования.

Дополнительно в рамках статьи мы попытались понять, какие из характеристик структурного и институционального типа, описывающих, согласно актуальной литературе, механизмы заключения и сохранения выгодных коалиций, статистически соотносятся с лучшим выступлением разных партийных семейств на выборах по итогам их участия в коалициях. Для этого мы считаем нужным протестировать ряд переменных в рамках множественной линейной регрессии на большой выборке из малых партий стран Западной Европы, последовательно выступавших на выборах в течение минимум трех электоральных циклов. Практической целью исследования при этом станет демонстрация возможности предсказывать вероятность успеха тех или иных партий после их участия в коалициях в зависимости от семейной принадлежности и ряда дополнительных факторов. Теоретический вклад данной работы, в свою очередь, будет состоять в углублении объяснения стратегического выбора партий по отношению к коалиционной политике исходя из включения в рассмотрение вариативности, рождающейся из сущностного различия в структурном позиционировании партий, принадлежащих к разным партийным семействам.

Обзор литературы: коалиции с позиции младших партнеров

Изучению коалиций посвящен внушительный объем литературы, обзор которой можно найти в ряде иностранных и отечественных источников [Bäck et al., 2024; Сидоров, 2014; Климович, 2018]. В этом обзоре мы ставим целью сосредоточиться на работах, отвечающих на вопрос, почему в существовании коалиций есть смысл с позиции младших партнеров, а также на исследованиях вовлекающих в свою деятельность младших партнеров вопреки рискам.

Классический подход к коалициям объясняет их с позиции законов рационального выбора. Так, в работе [Robinson, 1963] постулируется тезис Райкера, что во избежание ненужных противоречий любая коалиция стремится к минимальному объему. Для этого партия-лидер ищет партнера слабее себя, при этом оценивая, будет ли он предсказуем в своем поведении, и будут ли их интересы взаимно сочетаться. В итоге партиям нужно найти и удерживать компромисс, отсекающий чрезмерно завышенные и взаимно несовместимые требования сторон. Измеримым выражением коалиционного компромисса служит «закон Гэмсона» [Gamson, 1961], согласно которому партии ждут друг от друга уступок, обратно пропорциональных их электоральному весу. Как показали Брауни и Франклин [Browne, Franklin, 1973], последнее значит, что министерские посты также распределяются пропорционально полученным партиями голосам. Хотя такое положение означает уязвимость малых партий в коалициях, в системах, заточенных на коалиционную политику, диапазон допустимого компромисса обычно предсказуем, будучи связанным с задачами максимизации голосов при сохранении устойчивости связи партий с избирателями, имеющими достаточно однородные интересы. Согласно объяснению, предложенному Стромом [Strøm, 1990], для большинства партий доступ к правительству предпочтительнее статуса оппозиционера, но лишь до тех пор, пока это не наносит ущерб их долгосрочной репутации. Поэтому в условиях многопартийности обычно рождается несколько вариантов компромисса, описывающих условия доступа к власти для разных политических сил, стремящихся выжить в конкурентной борьбе, одновременно смягчая непримиримые позиции там, где есть потенциал для сближения.

Рациональная схема хорошо объясняет природу торга между партнерами, но обладает не слишком высокой предсказательной

силой, в особенности когда речь идет о сотрудничестве слишком далеких и неравновесных партий. Ответом на это в современных исследованиях стало господство подхода, описывающего образование и поддержание коалиций через динамику взаимоотношений партий в длительной временной перспективе. В частности, для Мюллера и соавторов [Strøm, Müller, Bergman, 2010] существование коалиций являет собой цикл, состоящий из четырех автономных этапов – переговоров, формирования правительства, его функционирования и роспуска. На каждом этапе при этом может происходить ревизия условий сотрудничества и даже состава участников. Кроме того, для современных авторов изучение коалиций немыслимо без обращения к институциональным механизмам, минимизирующим издержки уступок. Таким образом, младший партнер может получить больший контроль над политикой, а партия-лидер – инструменты к стимулированию общей лояльности.

К примеру, на этапе торга обмен сигналами о возможном сотрудничестве в ходе электоральной кампании может играть важную роль в формировании будущих коалиций [Debus, 2009]. Как демонстрируют Бэк и соавторы [Bäck et al., 2024], опыт кооперации в рамках прошлого парламентского созыва, как и опыт совместного правления на местном уровне, резко увеличивает шансы создания партиями коалиции. Формирование предвыборных альянсов при этом ведет к более честным вариантам сотрудничества, чем в случаях стихийного торга после выборов, чем малые партии активно пользуются.

В рамках формирования правительств, согласно Варвику и Друкману [Warwick, Druckman, 2001], различия в желательности конкретных постов для той или иной партии позволяют увеличить совместимость интересов партнеров. Как видно на большой выборке, пропорциональность распределения мест в коалициях может не соответствовать «закону Гэмсона», но торг за министерства при этом компенсирует разрыв в потенциалах партий. Более того, как показали Грин и соавторы [Greene, Henceroth, Jensen, 2021], при контроле над значимыми для его повестки позициями, младший партнер склонен чаще выигрывать от участия в коалициях. Кроме того, именно в плане распределения мест чрезмерно большие коалиции могут быть выгодными для партии-лидера, давая возможность манипулировать бонусами, в результате чего коалиция может дольше и эффективнее функционировать, пусть и ценой сокращения амбиций младших партнеров.

На этапе повседневной жизни правительства вопрос об оправданности компромисса, как признают многие исследователи,

действительно становится основным, сводясь к измерению реакции избирателей на проведение общей политики. Между тем именно на этом этапе институциональные механизмы часто играют решающую роль в поддержании рациональной мотивации партнеров. Так, Мартин и Ванберг [Martin, Vanberg, 2005] фиксируют, что для оправдания коалиционных компромиссов в глазах избирателей важную роль могут играть парламентские процедуры, в частности, институт правок к законопроектам, позволяющий партиям публично блокировать и корректировать инициативы партнеров, идущие против их программных принципов. Список иных механизмов, позволяющих избежать игнорирования интересов младших партнеров в ходе повседневной политики, приводят в своей работе Бергманн и соавторы [Bergman et al., 2023], включив в него должности младших министров-контролеров, координацию деятельности депутатов коалиционным комитетом, а также, в первую очередь, наличие письменного соглашения, существенно продлевающего жизнь коалиции за счет установления публичных целей и рамок сотрудничества.

Отстрочить случайный распад коалиции может также и то, что избиратели крайне негативно относятся к случаям, когда партия уходит от власти по причинам, не связанным с защитой своих программных требований [So, 2024]. Согласно работе Лупиа и Строма [Lupia, Ström, 1995], логика выхода партий из коалиций обычно четко привязана к оценке выгоды участия в ней против выгоды досрочных выборов. Соответственно, роспуск коалиционных правительств чаще всего осуществляется крупными партиями, видящими себя победителями новых выборов, что может как нанести ущерб малым партнерам, так и дать им возможность потребовать лучших условий сделки, если партии-лидеру невыгоден роспуск устойчивой коалиции.

Завершая обзор, можно сказать, что многие авторы сходятся во мнении, что пребывание в коалиции связано со стратегическим выбором партий, и что коалиции можно изучать статистически, основываясь на наличии рациональных, структурных и институциональных предпосылок ожиданий относительно их стабильности. Следовательно, имеет смысл задать вопрос, может ли эффект имеющихся механизмов варьироваться в зависимости от изменения еще одного параметра, связанного с принадлежностью партий к определенному семейству.

Дизайн исследования

Как было указано ранее, целью исследования является выявление корреляции между принадлежностью малых партий к разным партийным семействам и их средними результатами на выборах после нахождения в коалициях. В рамках формализации данной модели участие в коалиции служит независимой бинарной переменной, а разница голосов на выборах до и после участия в коалиции – зависимой. Чтобы измерить эффект принадлежности к разным партийным семействам, мы разделили выборку по данному признаку, проведя анализ по отдельности для леволиберальных, правопопулистских, леворадикальных и «зеленых» партий, а затем сравнив результаты со средними по выборке и между четырьмя группами.

В рамках исследования мы проверяем как основную, так и дополнительную гипотезы. Основная гипотеза состоит в том, что электоральный эффект от участия в коалициях будет различаться у партий в зависимости от их принадлежности к разным партийным семействам. Как мы предполагаем, это связано со структурным различием электората, голосующего за разные малые партии. Дополнительная гипотеза состоит в том, что наличие ряда характеристик у самих коалиций транслируется в статистически значимую разницу в средних результатах партий одного семейства. Как мы предполагаем, избиратель может быть больше доволен политикой коалиции, если в ее основе заложен тот или иной механизм, благоприятствующий воздействию малой партии на политический курс или устойчивости межпартийного объединения.

Методом проверки гипотез выступил метод множественной линейной регрессии на панельных данных. Для проверки нулевой гипотезы провели измерение сначала на общей выборке, а затем отдельно на четырех выборках с включением партий лишь одного семейства. Для уточнения выводов, наряду с основной моделью, мы также использовали модель с оценкой странового эффекта через внедрение фиктивных переменных.

В рамках исследования мы рассмотрели 40 кейсов участия малых партий в коалициях против 77 кейсов, когда партия шла на выборы после нахождения в оппозиции. Всего мы исследовали 36 партий из 12 сравнительно крупных стран Западной Европы. Мы использовали хронологические рамки с 2008 по 2025 г. – период, отмеченный взрывным ростом партийной фрагментации, происходившей на фоне последовательных глобальных кризисов

начиная с рецессии 2008 г. и последовавшего замедления экономики еврозоны [Emanuele, Chiaramonte, 2018].

Включение партий в выборку было подчинено следующим критериям.

1. Принадлежность к одному из семейств – правопопулистскому, леворадикальному, леволиберальному или «зеленому».

2. Последовательное участие партии хотя бы в трех парламентских выборах с результатом более 5% голосов.

3. В случае краткого существования партии – наличие явно-го преемника с тем же идеологическим профилем и ядерным электоратом.

В рамках исследования прирост голосов партии между предшествовавшими выборами и последующими (зависимая переменная) исчислялся с расчетом, что за первые по хронологии выборы мы воспринимаем первое выступление партии с результатом в более 5% голосов начиная с 2008 г., а за последние – последние на 1 октября 2025 г. Классификация партий как принадлежащих к коалициям при этом происходила в двух случаях: если они непосредственно входили в состав коалиционного правительства (27 кейсов), либо если при их поддержке формировалось правительство меньшинства (13 кейсов).

Таблица 1

Выборка исследования

	Левые радикалы	«Зеленые»	Левые либералы	Правые популисты	Всего
Число партий	10	5	10	11	36
Из них: хотя бы раз были в коалиции	8	4	8	7	27
Из них: представлены в странах	9 из 12	5 из 12	9 из 12	10 из 12	
Кейсы: выборы после участия в коалиции	12	6	13	9	40
Кейсы: выборы после участия в оппозиции	23	11	20	23	77
Всего кейсов	35	17	33	32	117

Как видно из табл. 1, коалиционная политика с участием малых партий глубоко вошла в жизнь западноевропейских стран. Из значимых упущенных кейсов при этом можно назвать лишь леворадикальных во Франции, где «Непокоренная Франция» и «Новый Народный Фронт» являются слишком разными, чтобы быть сопоставленными в едином хронологическом ряду.

Переходя к описанию переменных, используемых в регрессионном анализе, мы должны отметить, что на первом этапе, связанном с тестированием основной гипотезы, мы также использовали три контрольных переменных, иллюстрирующих интуитивно понятные возражения против идеи, что колебание голосов за малую партию отображает оценку избирателями факта ее вступления в коалицию.

- Первая альтернативная гипотеза состоит в том, что избиратели малых партий незначительно отличаются от избирателей крупных партий в оценке того, как функционируют коалиционные правительства, и обе группы схоже принимают решения, поощрять или наказывать правящие партии на выборах.

- Вторая альтернативная гипотеза состоит в том, что, если число избирателей, ассоциирующих себя с малой партией, меняется в период между выборами, голосование может меняться пропорционально данной величине.

- Третья альтернативная гипотеза состоит в том, что за колебание голосов ответственно колебание явки.

Таблица 2

Переменные, используемые для проверки основной гипотезы

Переменная	Пояснение	Источник
Участие в коалиции перед выборами	Независимая бинарная	Coalition Governance in Western Europe / ParlGov / Открытые данные
Разница голосов на прошлых и нынешних выборах	Зависимая, стандартизованная путем деления на результат прошлых выборов	Национальная статистика
Разница голосов на прошлых и нынешних выборах для крупнейшей партии в коалиции	Контрольная, тестирует первую альтернативную гипотезу	Национальная статистика
Разница между голосами и твердой поддержкой партии вне выборов	Контрольная, тестирует первую альтернативную гипотезу	European Social Survey, вопрос о проценте респондентов, ассоциирующих себя с определенной партией
Разница в явке в сравнении с прошлыми выборами	Контрольная, тестирует третью альтернативную гипотезу	Национальная статистика

В рамках второго этапа регрессионного анализа мы тестировали дополнительную гипотезу о влиянии ряда характеристик на формирование различий внутри отдельных семейств в плане электоральной успешности партий после участия в коалициях. Последнее подразумевало тестирование группы независимых переменных, являющихся потенциально значимыми согласно представленному

обзору литературы. В ходе анализа, после проверки на взаимную корреляцию, нами осуществлялся одновременный ввод всех переменных для оценки их потенциального вклада в модель, после чего следовало построение самой модели путем поэтапного внедрения переменных, начиная с самых весомых, в контексте контроля прироста коэффициента детерминации R^2 .

Отбирая переменные, мы исходили из предположений, по отдельности подтвержденных в ходе прошлых исследований (см. обзор литературы), но еще не рассмотренных совокупно в контексте общеевропейской выборки малых партий, разбитой на четыре отдельных семейства.

Исследуемые предположения таковы:

- Идеологически более близкие партии чаще ведут более успешную политику в коалиции.
- Чем больше вклад партии в коалицию, тем более выгодным будет ее положение в ней.
- Гарантии внутри коалиций ассоциируются с более успешной политикой.

Таблица 3

Переменные, использованные для проверки альтернативной гипотезы

Переменная	Пояснение	Источник
Разница голосов на прошлых и нынешних выборах	Зависимая, стандартизованная путем деленная на результат прошлых выборов	Национальная статистика
Разрыв между партией-лидером и малой партией в позициях по двум размежеваниям	Разница индексов партий для социально-экономического и социокультурного размежеваний	Project Manifesto
Правый или левый старший партнер	По семействам	Project Manifesto
Эффективное число партий	В момент формирования коалиции	Who Governs Europe
Размер коалиции	Большая или малая	Coalition Governance in Western Europe
Доля реальных мест партии в парламенте	С делением на долю ведущей партии для оценки влияния	Национальная статистика
Вес в правительстве	Наличие министров на ключевых позициях, в целом или согласно профилю партии	ParlGov
Коалиционный договор	В письменном виде	Coalition Governance in Western Europe
Коалиционный опыт	Опыт коалиции с партией-лидером в прошлом	Coalition Governance in Western Europe
Вина распада	Распалась ли по вине малой партии	Coalition Governance in Western Europe

Поскольку для тестирования выдвинутых предположений мы обращаемся к ряду переменных в рамках множественной линейной регрессии, мы хотим очертить рамки интерпретации в границах данного метода. Говоря точнее, результаты тестирования должны предоставить оценку, насколько в целом изменение взятых переменных ассоциируется с конечным результатом в виде колебания голосов за малые партии в рамках общесемейных выборок. Наоборот, вопрос о качественной важности упомянутых институциональных механизмов в контексте кейсов отдельных коалиций в рамках данного метода не может быть разрешен (притом что все прошлые исследования однозначно говорят об их важности).

В контексте обозначенного подхода сравнительная объективность данных выступила приоритетом. Как можно видеть из таблиц, источниками для нас выступили национальная статистика с сайтов избирательных комиссий, известные своим качеством базы данных о партиях и правительствах ParlGov¹, Project Manifesto [Volkens et al., 2014] и Who Governs Europe [Casal Bértoa, Enyedi, 2022], а также наиболее полный из существующих источник качественных данных о коалициях Coalition Governance in Western Europe [Bergman, Bäck, Hellström, 2021]. На основании индексов Project Manifesto нами были созданы собственные индексы размежеваний – социально-экономический и социокультурный. В иных случаях мы использовали переменные без изменений.

Результаты

Результаты исследования подтвердили верность основной гипотезы: действительно, электоральный эффект от участия в коалициях существенно различается у малых партий, принадлежащих к разным партийным семействам. При этом альтернативная гипотеза о том, что избиратели малых партий мало отличны от избирателей крупных партий, и голосование обеих групп в равной степени следует схожим тенденциям в оценке политики правящей коалиции, не подтвердилась. Две прочие альтернативные гипотезы получили частичное подтверждение, но лишь как дополнительные

¹ Döring H., Manow P. Parliament and government composition database (ParlGov): an infrastructure for empirical information on parties, elections and governments in modern democracies // Harvard Dataverse. – 2024. – Mode of access: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/parlgov> (accessed: 24.12.2025).

по отношению к фактору вступления партии в коалицию и, кроме того, также показали разную выраженность в зависимости от принадлежности партий к разным семействам. Хотя наше исследование подтвердило, что участие в коалиции оказывает на электоральные результаты малых партий преимущественно негативное влияние, нашей основной находкой стало то, что, в зависимости от принадлежности к разным партийным семействам, этот эффект может варьироваться, предсказывая существенную вероятность выигрыша для одних семейств и исключительно негативные последствия для других.

Так, для леворадикальных и «зеленых» партий нет статистически значимых следствий участия в коалициях, то есть результат на выходе может вести как к росту полученных голосов, так и к их сокращению. Из дополнительных факторов для данных семейств значим размер ядра граждан, ассоциирующих себя с партией вне выборов. Особенностью здесь является то, что для ряда кейсов процент «симпатизантов» превышает процент голосующих, т.е. потенциальный электорат радиально-левых и зеленых может не совпадать с электоратом реальным – теми, кто голосует за данные партии в любом случае, невзирая на низкие шансы влиять на правительство. Притом что фактор явки для данных семейств не является значимым, можно заключить, что участие в коалициях в целом привлекает к ним новых голосующих, дополняя идейное голосование идейно-прагматическим.

Наоборот, для леволиберальных и правопопулистских партий участие в коалициях обычно ведет к негативным последствиям, притом что природа голосования за них различается. Так, леволиберальные партии выступают лучше, если имеют большее ядро лояльных избирателей, ассоциирующих себя с ними: ключевым фактором риска для левых либералов является именно текучесть электората, голосующего идейно-прагматично. Для правых популистов, однако, негативные следствия коалиций выражены ярче в силу тенденции к росту числа голосов в оппозиции. Последнее можно объяснить большим весом протестного голосования для избирателей правых популистов, что отражено в значимости высокой явки для успеха данных партий, притом что число избирателей, открыто ассоциирующих себя с ними вне выборов, не столь высоко. Более того, меньший размер ядра лояльных избирателей имеет корреляцию с большим электоральным успехом правых популистов, возможно в силу того, что для правых популистов характерен «взлет» именно на первых-вторых выборах с их участием,

когда сама партия еще неизвестна, но спрос на протестное голосование находится на пике.

Дополнительно можно допустить значимость и идейно-прагматического голосования за правых популистов: поскольку общей тенденцией последних лет служит смещение крупных партий к более правым позициям по миграции и ценностям, возможно, часть избирателей считает этот эффект как следствие роста поддержки правых популистов, пусть и без участия последних в коалициях. Наоборот, все случаи участия правых популистов в коалиционных компромиссах скорее способствуют размыванию мифа об их могуществе как политических акторов.

Таблица 4

Оценка модели по основной гипотезе: есть ли разница в полученных голосах после периода в коалиции / в оппозиции

	Левые либералы	Правые популисты	Левые радикалы	«Зеленые»
Оценка модели (Скор. R ²)	0,264***	0,277***	0,004	–0,041
Константа	0,247	0,928		
В коалиции	–0,207***	–0,350**		
Процент избирателей, ассоциирующих себя с партией вне выборов	0,041*	–0,436***		
Явка		0,194		

Примечание: $\text{sig} < 0,09 = *$, $\text{sig} < 0,05 = **$, $\text{sig} < 0,01 = ***$

Относительно дополнительной гипотезы исследование демонстрирует подтверждение идеи, что для разных партийных семейств разные характеристики оформления коалиций ассоциируются с большим или меньшим числом голосов, полученных после участия в них. Важным проявлением этого является то, что из трех предположений, исследованных нами, лишь одно может считаться универсальным для всех изученных нами семейств: идеологически более близкие партии чаще ведут более успешную политику в коалиции, что позитивно влияет на их оценку со стороны избирателей. Наоборот, такие характеристики, как вклад партии в коалицию, коалиционные гарантии и переменные электоральные факторы, играют только контекстуальную роль, не столь статистически выраженную и различающуюся для разных партийных семейств.

В контексте размера выборки, нужного для тестирования вариативности эффекта, нам удалось проанализировать роль коали-

ционных характеристик для трех из четырех партийных семейств: левых либералов, правых популистов и левых радикалов. На выходе мы получили разные модели, требующие интерпретации в контексте наших знаний о пространственном позиционировании каждого семейства.

Таблица 5

Оценка модели (без странового эффекта и дополнительных переменных) по дополнительной гипотезе: факторы, влияющие на получение большего числа голосов после участия в коалиции

	Левые либералы	Правые популисты	Левые радикалы
Оценка модели (R^2)	0,882**	0,977***	0,953***
Константа (B)	-2,804	-0,667	1,133
Разрыв между партией-лидером и малой партией в позициях по социально-экономическому размежеваниям	0,695**	0,442***	-1,387***
Разрыв между партией-лидером и малой партией в позициях по социокультурному размежеванию	-1,462***		-0,397**
Эффективное число партий	1,893***	0,340**	
Коалиционный договор	-0,554**	0,609**	
Правый (+) или левый старший партнер	0,476**		
Доля реальных мест партии в парламенте	-1,116***		
Размер коалиции		0,406**	
Коалиционный опыт			-0,544**

Примечание: $\text{sig} < 0,09 = *$, $\text{sig} < 0,05 = **$, $\text{sig} < 0,01 = ***$

Так, для леволиберальных партий важными из переменных выступили: разрыв между малой партией и партией-лидером по социокультурному размежеванию (негативный эффект), доля реальных мест партии в парламенте (негативный эффект), эффективное число партий (позитивный эффект). Интерпретируя эти результаты, можно предположить, что леволиберальные партии испытывают дискомфорт, когда избиратель, голосующий идейно-прагматично, не обнаруживает, что партия готова последовательно воплощать заявленную повестку — прогрессивно-либеральный подход к политическим вопросам. Кроме того, с большим влиянием либеральных партий в парламенте и коалиции статистически связано не поощрение, но отток голосов на следующих выборах. Как можно предположить, избиратели левых либералов либо часто обманываются в своих ожиданиях, либо голосуют контекстуально, когда таким голосованием можно противопоставить себя консер-

вативному тренду в политике. Иными словами, структурно избиратель левых либералов не сильно лоялен данным партиям.

Согласно данной логике, можно интерпретировать и роль других переменных в колебании электоральных результатов левых либералов после коалиций. Так, негативный эффект письменного коалиционного договора может отражать слабость левых либералов в рамках соглашений с крупными партиями (либо быть просто статистическим артефактом – корреляцией неудачных правительств с наличием письменных договоров).

Дополнительный парадокс анализа позиционирования лево-либеральных партий состоит в том, что в модели с включением странового эффекта сохраняет значение лишь самый выраженный параметр – разрыв между малой партией и партией-лидером по социокультурному размежеванию. С другой стороны, основная модель сохраняет устойчивость даже при включении дополнительных переменных или при исключении из нее ряда кейсов. Таким образом, наша интерпретация скорее предполагает следование обобщенному описанию представленной выше модели, списывая влияние странового эффекта на реально встречающиеся сильные различия в позиционировании левых либералов в разных странах выборки. Последнее, в свою очередь, прямо соотносится с тем, что левые либералы – семейство центристского толка, не опирающееся на крайнее позиционирование по социально-экономическому (леворадикальные) или социокультурному («зеленые» и правые популисты) размежеваниям, и оттого – чрезмерно уязвимое электорально из-за существенной конкуренции с крупными партиями.

Переходя к выборке правопопулистских партий, участвовавших в коалициях, необходимо отметить, что при использовании трех разных моделей – основной, с включением дополнительных электоральных переменных и с включением странового эффекта, – результаты анализа меняются не только по силе, но и по направлению связи. Один из возможных вариантов, таким образом, состоит в констатации отсутствия четких связей внутри выборки, что подтверждает идею, что в целом правые популисты плохо чувствуют себя в коалициях, а колебание голосов может быть лишь продуктом неких внешних факторов, не связанных с условиями участия в коалициях напрямую.

Иной вариант предполагает попытку логически соотнести три модели между собой. В этом случае можно предположить, что характер затронутых факторов объясняется тем, что наличие меньшего числа альтернатив сотрудничеству с правыми попули-

стами способствует лучшим условиям вступления последних в коалицию, в то время как содержание факторов, обеспечивающих данный результат, может варьироваться. Можно подчеркнуть высокую роль письменного коалиционного договора в объяснении более высоких результатов правых популистов после участия в коалициях, и также значимость явки как внешнего электорального фактора, заглушающего эффект иных переменных в создании фона для выступления правых популистов на выборах.

Как мы считаем, из-за того, что правые популисты преимущественно мобилизуют протестный электорат, вступать в коалиции им невыгодно и нежелательно. Но, если других вариантов для сотрудничества нет, использование институциональных механизмов (подобных коалиционному договору) может способствовать лучшему обеспечению требований правых популистов в политике.

В сравнении с правыми партиями, в выборке левых радикалов неизменность и лаконичность результатов анализа наблюдается вне зависимости от используемой модели. Важнейшими переменными при этом выступают: разрыв между малой партией и партией-лидером по социально-экономическому размежеванию (негативный эффект) и разрыв между малой партией и партией-лидером по социокультурному размежеванию (негативный эффект). Дополнительно в модели без странового эффекта значимым фактором выступает опыт коалиции с партией-лидером в прошлом (негативный эффект). Мы думаем, однако, что это имеет место лишь потому, что для леворадикальных партий часты случаи длительных коалиций, в которых малая партия выступает партнером для ослабевших социал-демократов. В этом случае то, что через несколько циклов коалиция терпит поражение, транслируется в статистику, говорящую, что опыт совместной коалиции может быть нежелательным, хотя в реальности это не так.

Подводя итоги тестирования второстепенной гипотезы, можно заключить, что, как мы и предполагали во введении, структурные различия в электорате разных партийных семейств, связанные с сильно отличным их позиционированием в системе размежеваний, во многом создают рамки для понимания нюансов вступления данных партий в коалиции и вариативности электоральных результатов после участия в них. Подтверждая выводы прошлых исследований по поводу наличия значимых механизмов обеспечения устойчивости коалиций с позиции младших партнеров, мы в то же время обнаружили, что при тестировании на большой

выборке статистическая значимость большинства из них не столь очевидна и требует пояснения в контексте отдельных кейсов.

Наоборот, масштаб разрыва между малой партией и партией-лидером по основному для малой партии размежеванию кажется по итогам исследования наиболее надежным предсказателем результата на выборах после участия малой партии в коалиции как минимум для двух семейств – левых либералов и леворадикалов. Для правых популистов, в свою очередь, явка избирателей, являясь самым значимым параметром, скорее всего, перекрывает в этом плане все иные, хотя наличие письменного договора может быть слабым маркером того, что потеря голосов после участия в коалиции будет для правых популистов чуть менее масштабной.

Заключение

В начале статьи нами был поставлен вопрос: почему участие партий в коалициях может по-разному оцениваться их избирателями? Мы постарались рассмотреть этот вопрос на выборке малых партий, считая, что их объединяет невозможность возглавить коалицию, а значит – необходимость идти на не самый выгодный компромисс ради вхождения в правительство.

Как мы предположили и доказали в ходе исследования, фактор принадлежности к разным партийным семействам может формировать различные ожидания относительно того, как будут меняться электоральные результаты на выборах при учете того, находилась ли партия в оппозиции или в правящей коалиции. Кроме того, тестируя дополнительную гипотезу, мы пришли к выводу, что при вступлении в коалиции, для партий, принадлежащих к разным партийным семействам, разные факторы ассоциируются с тем, будет ли партия более или менее успешна на следующих выборах. Общим результатом при этом стало то, что при наличии идеологической близости между малой и крупной партиями в коалиции результаты малой партии, скорее всего, будут лучше, чем в случае явного разрыва.

В ходе исследования мы подтвердили, что участие в коалиции в среднем имеет разные последствия для малых партий в зависимости от их принадлежности к разным партийным семействам. В соответствии с объяснительной моделью, мы думаем, что это отражает различия в структурном позиционировании их избирате-

лей, ориентированных на разные полюсы размежеваний и приверженных разным моделям голосования.

В частности, для избирателей правых популистов коалиционный компромисс выглядит нежелательным и не поощряется в силу значимой роли протестного голосования и дистанцирования данных партий от прагматичной политики в центре. Для леворадикальных и «зеленых» партий, наоборот, поддержка со стороны части избирателей, голосующих идейно-прагматично, а также возможность альянса с социал-демократами как с предсказуемым и идейно близким партнером, дает шансы существенно выигрывать в коалициях. В более сложном положении, однако, находятся малые леволиберальные партии: статистически редко выигрывая в коалициях, они одновременно вынуждены работать над удержанием текущего избирателя в центре, в значительной мере приверженного чисто прагматичной модели голосования – в альтернативу крупным партиям при определенном раскладе сил, но не за идейных радикалов.

Таким образом, для четырех партийных семейств стратегии отношения к коалициям выглядят следующим образом: для правых популистов – не вступать, пока сохраняется позитивная электоральная динамика; для левых радикалов и «зеленых» – скорее вступать, но пока это не отпугивает идейного избирателя; для левых либералов – вступать, но не в расчете на поступательный рост голосов, а в рамках использования ситуации временного притока избирателей для закрепления статуса компетентной силы в политике.

I.I. Petrov*

Small parties and party coalitions in Europe: why do some gain votes after participating in government, while other lose them?

Abstract. This article analyzes the impact of small parties' participation in coalition governments on their electoral support. Although in multiparty systems, small parties can enter power through coalitions, the advantage of large parties can undermine their efforts to advance their demands, and the penalty for an unfavorable compromise will be a loss of votes. Meanwhile, it can be hypothesized that the structural positioning of small parties within cleavage spaces, as well as the use of institutional mechanisms associated with the protection of the rights of junior partners, may influence the variability of small parties' average performance in coalitions. Using regression analysis to study voting dynamics in 12 European countries from 2008 to 2025, we

* Petrov Ivan, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: ipetrov@hse.ru

concluded that party families with different positionings and target voters have different chances of winning electorally after participating in a coalition. Moreover, the ideological distance between parties in a coalition serves as the best predictor of their relative success. As we found, green and radical-left parties are more likely to win in coalitions, while right-wing and left-liberal small parties – less. One possible reason for this may be the nature of their electoral base: if a small party relies on protest or pragmatic voting, its chances of winning in coalition are lower than those of a party with more ideological, but still pragmatic support base.

Keywords: parties; coalitions; party cleavages; party families; European politics; populism.

For citation: Petrov I.I. Small parties and party coalitions in Europe: why do some gain votes after participating in government, while others lose them? *Political science (RU)*. 2026, N 1, P. 137–159. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2026.01.07>

References

- Bäck H., Hellström J., Lindvall J., Teorell J. Pre-electoral coalitions, familiarity, and delays in government formation. *West European politics*. 2024, Vol. 47, N 1, P. 88–112.
- Bergman M.E., Angelova M., Bäck H., Müller C. Coalition agreements and governments' policy-making productivity. *West European politics*. 2024, Vol. 47, N 1, P. 31–60.
- Bergman T., Bäck H., Hellström J.(eds). *Coalition governance in Western Europe*. Oxford: Oxford university press, 2021, 776 p.
- Browne E.C., Franklin M.N. Aspects of coalition payoffs in European parliamentary democracies. *American political science review*. 1973, Vol. 67, N 2, P. 453–469.
- Casal Bértoa F., Enyedi Z. Who governs Europe? A new historical dataset on governments and party systems since 1848. *European political science*. 2022, Vol. 21, N 1, P. 150–164.
- Dalton R.J. Economics, environmentalism and party alignments: A note on partisan change in advanced industrial democracies. *European journal of political research*. 2009, Vol. 48, N 2, P. 161–175.
- Debus M. Pre-electoral commitments and government formation. *Public choice*. 2009, Vol. 138, N 1, P. 45–64.
- De La Cerda N., Gunderson J.R. Are party families in Europe ideologically coherent today? *European journal of political research*. 2024, Vol. 63, N 3, P. 1208–1226.
- Emanuele V., Chiaramonte A. A growing impact of new parties: Myth or reality? Party system innovation in Western Europe after 1945. *Party politics*. 2018, Vol. 24, N 5, P. 475–487.
- Fortunato D., Stevenson R.T. Perceptions of partisan ideologies: the effect of coalition participation. *American journal of political science*. 2013, Vol. 57, N 2, P. 459–477.
- Fortunato D. The electoral implications of coalition policy making. *British journal of political science*. 2019, Vol. 49, N 1, P. 59–80.
- Gamson W.A. A theory of coalition formation. *American sociological review*. 1961, Vol. 26, N 3, P. 373–382.
- Greene Z., Henceroth N., Jensen C.B. The cost of coalition compromise: The electoral effects of holding salient portfolios. *Party politics*. 2021, Vol. 27, N 4, P. 827–838.

- Hooghe L., Marks G. How does the education cleavage stack up against the classic cleavages of the past? *West European politics*. 2025, P. 1–33.
- Hutter S., Kriesi H. (eds). *European party politics in times of crisis*. Cambridge university press, 2019, 444 p.
- Inglehart R.F., Norris P. *Trump, Brexit, and the rise of populism: economic have-nots and cultural backlash*. Cambridge: Harvard Kennedy school, 2016, 52 p.
- Katz R.S., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: the emergence of the cartel party. *Party politics*. 1995, Vol. 1, N 1, P. 5–28.
- Kitschelt H. Party families and political ideologies. In: Rickard S.J. (ed.) *Oxford research encyclopedia of politics*. Oxford: Oxford university press, 2018. Mode of access: <https://oxfordre.com/politics/display/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-626> (accessed: 22.12.2025).
- Klimovich S.A. In search for a unified theory of coalition construction: From methodological nationalism to methodological regionalism. *Political science (RU)*. 2018, N 1, P. 249–268. (In Russ.)
- Klüver H., Spoon J.J. Helping or hurting? How governing as a junior coalition partner influences electoral outcomes. *The journal of politics*. 2020, Vol. 82, N 4, P. 1231–1242.
- Lipset S.M., Rokkan S. *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York: Free Press, 1967, 554 p.
- Lupia A., Ström K. Coalition Termination and the strategic timing of parliamentary elections. *American political science review*. 1995, Vol. 89, N 3, P. 648–665.
- Mair P., Mudde C. The party family and its study. *Annual review of political science*. 1998, Vol. 1, N 1, P. 211–229.
- Martin L.W., Vanberg G. Coalition policymaking and legislative review. *American Political science review*. 2005, Vol. 99, N 1, P. 93–106.
- Meguid B.M. Competition between unequals: The role of mainstream party strategy in niche party success. *American political science review*. 2005, Vol. 99, N 3, P. 347–359.
- Oesch D., Rennwald L. Electoral competition in Europe's new tripolar political space: Class voting for the left, centre-right and radical right. *European journal of political research*. 2018, Vol. 57, N 4, P. 783–807.
- So F. Serious conflicts with benign outcomes? The electoral consequences of conflictual cabinet terminations. *American political science review*. 2024, Vol. 118, N 3, P. 1449–1463.
- Robinson J. A. Decision-making and coalition building: a review: William H. Riker, the theory of political coalitions. *Journal of conflict resolution*. 1963, Vol. 7, N 4, P. 763–768.
- Sidorov V.V. Theory of coalition formation in foreign political science. *Political science (RU)*. 2014, N 1, P. 211–222. (In Russ.)
- Strøm K. A behavioral theory of competitive political parties. *American journal of political science*. 1990, Vol. 34, N 2, P. 565–598.
- Strøm K., Müller W.C., Bergman T. *Cabinets and coalition bargaining: the democratic life cycle in Western Europe*. Oxford: Oxford university press, 2010, 464 p.
- Volkens A., Barra J., Budge I., McDonald M.D. (eds). *Mapping policy preferences from texts: statistical solutions for manifesto analysts*. Oxford: Oxford university press, 2014, 346 p.
- Warwick P.V., Druckman J.N. Portfolio salience and the proportionality of payoffs in coalition governments. *British journal of political science*. 2001, Vol. 31, N 4, P. 627–649.

Литература на русском языке

Климович С.А. В поисках единой теории коалиционного строительства: от методологического национализма к методологическому регионализму // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 249–268.

Сидоров В.В. Теории формирования партийных коалиций в зарубежной политической науке // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 211–222.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 6

Полная выборка исследования

Страна	Левые радикалы	«Зеленые»	Левые либералы	Правые популисты
Великобритания			Либеральная партия	
Германия	Левая	«Зеленые»	Свободная демократическая партия	Альтернатива для Германии
Австрия		«Зеленые»	Либеральный форум	Партия свободы
Франция			Демократическое движение	Национальное объединение
Нидерланды	Социалистическая партия	Зеленые левые	Демократы-66	Партия свободы
Италия	Левые > Свобода и Равенство > Союз Зеленых и Левых			Движение Пяти Звезд – Лига
Испания	Подemos > Унидас Подemos > Сумар		Граждане	Вокс
Португалия	Левый блок			
Норвегия	Социалистическая левая партия		Либеральная партия	Партия прогресса
Дания	Красно-зеленая коалиция – Зеленые левые		Либеральный альянс – Радикальная Венстре	Датская народная партия
Швеция	Левая партия	Партия зеленых	Либералы	Шведские демократы
Финляндия	Левый союз	Зеленый союз		Истинные финны

Исключенные страны:

- 1) Бельгия и Швейцария (иная роль коалиций в политике);
- 2) Греция и Ирландия (нет преемственности коалиций с малыми партиями).

Исключенные партии (нет трех циклов с получением >5% голосов):

- 1) Леворадикальные: Непокоренная Франция;
- 2) Левые либералы: Инициатива (Португалия);
- 3) Правые популисты: Шега (Португалия), Братья Италии, Партия независимости Соединенного Королевства.